

Владимир Положенцев

Мигрень и Сверло

Отставной опер и его юный помощник
в поисках детективных приключений

Владимир Положенцев

Мигрень и Сверло

«Издательские решения»

Положенцев В.

Мигрень и Сверло / В. Положенцев — «Издательские решения»,

Бывший оперуполномоченный Коля Мигренев и его юный друг Слава Сверлицин расследуют загадочные преступления, нередко попадая при этом в комичные ситуации...

Содержание

Деликатное поручение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мигрень и Сверло
Отставной опер и его юный помощник
в поисках детективных приключений
Владимир Положенцев

© Владимир Положенцев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Деликатное поручение

Жизнь – замечательная штука, если относиться к ней снисходительно, подмигнув себе в зеркало Слава Сверлицин и забросил в рот две таблетки феназепама. Нет, он не был наркоманом или тайным апером, просто слышал от приятелей, что транквилизаторы расслабляют нервную систему. А Коля был очень закомплексованным юношей. Во-первых, скованность мешала ему знакомиться с девушками. А он был уверен – предназначение мужчины, как у бога – совершенствовать и преображать мир. Но как его преобразишь без увеличения численности популяции? Тот-то. Нужен постоянный контакт с противоположным полом, а его-то как раз у Коли и не было. Никогда.

А, во-вторых, сегодня наступило 31 декабря, день, когда сбываются самые невероятные мечты. Об интимной стороне вопроса Слава даже и не мечтал, но вдруг что-нибудь интересное, неординарное, непроезаичное да и произойдет? Потому Коля и решился на столь дерзкий поступок – украсть из маминой аптечки две таблетки феназепама. Чем черт не шутит, вдруг поможет? Водку же Сверлицин в свои 17 лет не переносил на дух.

С двумя «колесами», конечно переборщил. Голова куда-то сразу поплыла, ноги сделались ватными, захотелось спать. Но потом, когда обдуло тяжелым декабрьским ветром, стало вроде бы легче, даже поднялось настроение. Появилось желание целовать ручки всем проходившим мимо дамам, даже давно вышедшим в тираж. Или это был самообман. Впрочем, какая разница? Мы воспринимаем мир не таким, какой он есть на самом деле, а каким хотим его ощущать.

Не успел переступить порог обувной фабрики, куда устроился посыльным, чтобы перекаптоваться до армии, сразу вызвали к шефу. Семен Евгеньевич Гибельсон беспокойно флажировал по кабинету: то медленно кружил золотой рыбкой по сирийским коврам, оставляя на дорогом ворсе грязь от высоких, сшитых по личному заказу белых полусапог, то навозной мухой прилипал к окну, вглядываясь в дымящиеся заводские трубы, и жужжал, жужжал себе чего-то под нос. При этом постоянно снимал и вновь надевал, порой вверх ногами очки в оправе из слоновой кости, шевелил раздвоенным, похожим на абрикос подбородком

Заметив Сверлицина, усадил перед заваленным бумагами рабочим столом, пододвинул коробку с надкусанными тульскими пряниками. Один из них попробовал сам, положил в карман. Директор явно нервничал, не знал с чего начать.

– Видишь ли, Сверлицин.... А почему у тебя фамилия такая ненадежная – Сверлицин, у тебя что, постоянно сверлит в одном месте?

– Я же не спрашиваю, почему у вас фамилия почти гитлеровская? – транквилизаторы явно раскрепостили дух Славы.

Семен Евгеньевич выпучил селедочные глаза, которые, казалось, запахли рассолом с хреном. Но вдруг хихикнул, потом погрозил пальцем с массивным черным перстнем:

– А ты не промах! Сверло, точно. Ладно, не все корабли тонут, даже с отвратительными именами. У меня для тебя поручение, сугубо конфиденциальное, выручай. Ты на фабрике человек новый, почти никого не знаешь, тебя редко видят. А дело требует исключительной деликатности и, не побоюсь этого слова, секретности. От того как ты его исполнишь, будет зависеть не только твоя карьера, но и...

– Жизнь, – сделал предположение Слава и поежился. Только этого еще не хватало, пришел в сугубо гражданскую организацию до призыва полоботрясничать, а тут уже как на фронте – жизнь на кону. Вроде, тапочки с валенками шьют, а туда же.

– Да нет, – поморщился шеф. – За кого ты меня принимаешь? Я имел в виду материальное благополучие. Выполнишь все как надо, рванешь со своими нимфетками в Ниццу на две недели или на Мадейру, там тоже хорошо. Словом, не обижу.

Ницца, конечно, здорово, а с девушками сложнее.... Слава не хотел продажной любви, он ждал настоящей. Хотя и о платной давно не мешало бы подумать. Сверлицин читал, что от длительного воздержания может начаться простатит, от которого уже никогда не избавишься.

– В чем моя задача? – по-деловому спросил посыльный.

Шеф соскочил с кресла, споткнулся о ножку стола, культурно выругался. Так как оказался на четвереньках, провел ладонью по мягкому ворсу ковра.

– Видишь, если вести руку вдоль шерсти, то мягко, никакого сопротивления, а если против, приятного мало. Можно даже уколоться.

– Ковры нужно чистить регулярно, – брякнул Слава.

– Не в этом дело, – нахмурился Гибельсон, – в жизни всегда приходится выбирать – идти по течению или против. Выберешь второй путь, хлопот не оберешься. Впрочем, сразу иногда и не поймешь что лучше.

– Я и не собираюсь идти против вашей шерсти, – повысил голос Слава. Ох уж этот феназепам!

– Правильно, молодец! Я сразу понял, что ты умен не по годам. Потому и доверяюсь. Э-э, ну теперь к делу. Насколько коллективу известно, я примерный семьянин.

Директор обувной фабрики обвел взглядом стены, на которых висели фото его родственников. Лиц было много, словно актерских портретов в фойе театра. Сразу и не подсчитаешь.

– Всех помню не только по именам, даже знаю у кого какая родинка на теле. Ха-ха.

– Прямо как политик Немцев, – хмыкнул Сверлицин. – Сочувствую.

На это замечание начальник ничего не сказал, то ли подумал о политике Немцеве, который однажды выпросил у обувного холдинга немалую сумму на свою предвыборную кампанию и с треском провалился, то ли еще о чем-то нехорошем.

– У меня есть две... знакомые женщины. Ничего такого, не подумай. Просто хорошие подруги. Мы иногда вспоминаем с ними детство, юношество, ну и все такое. Однако ближе к делу. Я приготовил своим приятельницам новогодние подарки, чисто символические, но лично, как понимаешь, в полночь вручить их не могу. Семья. И еще кое-какие проблемы. А хотелось, чтобы получили они их именно в полночь, когда пробьют куранты. Дорога ложка к обеду.

– Если очень кушать хочется и без ложки можно обойтись.

– Эй, Сверлицин! – повысил голос директор, – хватит с меня уже твоих дурацких острот. Слушай, что начальник говорит. Так вот. Дам я тебе две коробочки. Первую ровно в полночь вручишь Кире Яковлевне Моржак. А вторую Лире Яковлевне Моржак. Две сестры, как ты догадываешься.

– Они что в одной квартире живут?

– Нет, конечно, на разных этажах, но в одном доме на Ленинском проспекте.

– Угораздило же вас все яйца в одну корзину положить! И как я успею осчастливить обеих ровно в полночь?

– А это уж твои проблемы, юноша. Для хорошего посыльного перескочить пару этажей секундное дело. Кире отдашь посылочку с началом боя курантов, Лире сразу после. Никого кроме тебя, повторяю, подключить к ...мероприятию не могу. Заместители только с виду валенками прикидываются, а на самом деле драконы трехголовые, языки хуже, чем у журналистов: разнесут, разболтают, не отмоешься. И, главное, коробки не перепутай. С золотой тесемкой – Кире, с серебряной – Лире.

Транквилизаторы не давали покоя молодому, не привыкшему к допингу организму.

– Догадываюсь, что подарки в коробках разные, видимо, вы своих женщин по-разному цените. А что в них? – нетактично поинтересовался Сверлицин.

– Не твоего ума дела, – оскалил зубы Гибельсон. – Перепутаешь, сам для тебя белые тапочки пошью и лично надену.

– Это я уже понял, – кивнул Слава, – и все же интересно, беру на себя большую ответственность, а не знаю, что в коробках. А, может, там наркотики? Вдруг полиция остановит?

– Коробочки-то маленькие, с какой стати менты тебя проверять станут, ты что гастарбайтер? И какие наркотики?! Это у вас, молодых, в головах одна дурь.

Как же ты прав, Гибельсон, вздохнул про себя Слава, ощущая во рту невероятную сухость.

Директор открыл шкаф из карельской березы, достал костюм деда Мороза. С валенками, красным поясом, белой бородой.

– Облачишься и вперед. Только не на фабрике. Да, вот тебе пятьдесят тысяч на разные расходы – цветы дамам приличные купишь, проверю, ну и на транспорт.

– На вертолет хватит, – удовлетворенно кивнул Сверлицин.

– Это смотря какой геликоптер арендовать, – не пытался даже шутить директор. – Остаток денег возьми себе, потом еще столько же получишь, а опростоволосишься...

– Всякому известно, что такое кожаные канчуки: при большом количестве вещь нестерпимая, – ухмыльнулся Сверлицин, процитировав Гоголя. А сам подумал – вот это деньжищи! Новый год так Новый год!

Директору обувной фабрики было не до Николая Васильевича, а потому пропустил слова посыльного мимо ушей.

– У тебя в запасе уйма времени, вот иди, думай как будешь действовать. Коробки держи при себе, в нагрудных карманах. Часа через полтора я уеду, на фабрике меня сегодня больше не будет. Все понял? Добрый отзыв о тебе надеюсь получить уже от Киры и Лиры. Смотри, Сверлицин, не насверли!

Коробочки и впрямь оказались самыми обычными, прямоугольными, в каких, как правило, продают шариковые ручки. Обе обернуты тонкой пергаментной бумагой с вшитыми в них серебряными и золотыми нитями. Слава взвесил их на руках – почти невесомые. Потряс над ухом, что-то внутри гремит. Интересно бы внутрь заглянуть.

Если сила не всегда берет города, то любопытство доводит до края Вселенной. Вскрыть, а потом аккуратно запечатать коробочки для Сверлицина не было проблемой: в младших классах он так искусно подтирал бритвой двойки в дневнике и исправлял их на четверки, что даже учителя удивлялись – вроде ставили пару, а тут на тебе – опять «хорошо», нет, нужно непременно принимать на ночь уксус с настойкой пустырника. А можно и без уксуса. И вообще, лучше водки. Эх, были докомпьютерные времена, сейчас уже так в школах не повеселишься!

На дорожку шеф налил по пятьдесят граммов виски «за успех дела», от которых Слава не смог отказаться, уточнил адрес дома, расположение квартир на этажах, записал на бумажке код подъезда. «Консьержа не будет, – сказал Гибельсон, – по праздникам они не работают».

Не отходя далеко от кабинета начальника, Слава закрылся в туалете, достал швейцарский перочинный ножик. Острейшее лезвие подцепило край пергамента, стало аккуратно отделять слой от слоя. И вдруг крик в коридоре:

– Где этот чертов Сверлицин?! Не успеешь оглянуться, уже усверлит! Ну, Сверло!

Выскочил из кабинки, забыв сложить перочинный нож.

Шеф опасливо глянул на лезвие, но по поводу ножа ничего не сказал, пододвинул к ногам Славы пакет с нарядом Деда Мороза.

– Образ новогодний забыл, самое главное не потеряй, – стукнул он по плечу Сверлицина, развернулся на каблуках, направился в цеха.

– Через час напоздравляется, домой прикажет вести, – со вздохом сказала ему в след тонкая как вилка и такая же колкая секретарша Дина Петровна. – Пора шофера Сашу вызывать. Этого бугая только он на плече таскать может.

Взяв под мышку пакет с изображением елки, Слава подумал, что Дина чем-то обижена на директора, решил этим воспользоваться.

– А шефу-то далеко ехать?

– Куда там далеко! – наклонилась к нему секретарша. – В трех кварталах отсюда, на Ленинском проспекте обретається. На троллейбусе лучше бы ездил.

– На Ленинском? – разинул рот Слава, – в доме № ....

– А тебе-то что, в гости собрался?

– Квартиру не знаете?

– Вот еще, так и сказала тебе, каждый клерк будет к начальнику ломиться.

Странно, очень странно, – рассуждал Слава, бредя от проходной обувной фабрики к проспекту под тяжелым медленным снегом. Его голова превратилась в сугроб, но он и не пытался его сбросить. Времени до «часа х» еще уйма, но домой решил не идти.

В голове гудело и от феназепам, и от виски, мать сразу заметит, поднимет шум. А тут деликатное поручение. – Странно, что Семен Евгеньевич живет в том же доме, что и его.... подруги. Всем известен железный закон – не имей тесных контактов, мягко говоря, там, где живешь. Правильно я сказал – все его яйца в одной корзине. Что же в коробицах?

А коробки во внутренних карманах пиджака, словно пылали раскаленными углями. Так и подмывало Сверлицина сунуть в них нос. Или, может, ну их? Шеф заплатил хорошие деньги, обещал еще дать, я просто должен тупо выполнить поручение. Ага, возразил сам себе Слава, а если Гибельсон коррупционер, вон, их каждый день по телевизору показывают? Может, в коробках какие-нибудь тайные бухгалтерские отчеты, или того хуже? У бывшего министра обороны тоже всем любовницы заправляли. И я стану соучастником преступления! С другой стороны, ну какой Гибельсон коррупционер, не в правительстве же работает, ну что на обувной фабрике украдешь? Войлочные тапочки? Хотя... недавно прошел слух, что фабрика получила большой заказ от МЧС. Так-так. Может сразу в прокуратуру рвануть? Медаль дадут. Или валенком по голове, что скорее всего.

Раздираемый противоречивыми мыслями, Сверлицин не заметил, как оказался на Ленинском проспекте, возле дома №.... Ноги сами принесли сюда. Автопилот, не иначе. Зачем я здесь? Видимо, подсознание потребовало провести перед ответственным мероприятием разведку местности. Посмотреть расположение квартир, прикинуть, как быстрее добраться до двух жилищ. Живут Кира и Лира на разных этажах, а лифт – дело ненадежное, можно долго прождать или того хуже, застрять.

Дом оказался за железным забором, со шлагбаумом, с чоповцами в охранной будке. На миг растерялся, но быстро сориентировался, пристроился к женщине с коляской, которая открыла двери во двор своим магнитным ключом. Охранники в след Славе даже не посмотрели. Почему шеф о проходной ничего не сказал? Забыл, наверное. Перед Новым годом у всех голова кругом.

А вот консьерж в третьем подъезде оказался на месте и после того, как Сверлицин набрав код, вошел внутрь, уставился на него мутным взглядом.

– Вы кто, к кому? Я вас не знаю.

Консьерж облокотился о стенку, и было видно, что он не совсем уверенно держится на ногах. Праздник для него уже наступил. О! вдруг осенило, Славу. И зачем мне одному сломя голову носиться по этажам?

– Скажите-ка, товарищ, а сегодня в полночь, вы будете дежурить?

– А для чего спрашиваете? – раздул крылья носа небритый мужчина, словно почуяв добычу. Протянул руку:

– Коля Мигренев. Нам на сегодняшнюю ночь правление предоставило выбор. Хочешь – дежурь, хочешь – гуляй до утра. Сутками трудимся. Но кто ж откажется? Жилыцы через одного с праздником поздравлять станут, кто так, а кто и на деньги разорится.

– Вот и я о том же, – кивнул Сверлицин, – дело у меня к вам несложное, но важное. Пятьсот рублей хотите заработать?

– А то! Что делать прикажете, поздравить кого?

Догадливый, отметил Слава. Для начала он выяснил номер квартиры Гибельсона. Жил директор, как оказалось, на последнем семнадцатом этаже в апартаментах №277, а на крыше имел что-то типа зимнего сада. Кира Моржак обитала на десятом, Лира на пятнадцатом.

– Буржуй, одним словом, – заключил консьерж, без какого-либо осуждения в голосе. Мигренев почесал пегую небритость, достал из открытого окошка коморки наполненный наполовину стакан, со знанием дела опрокинул внутрь. Широкий нос, угловатые скулы и тяжелые, как болотная трава, глаза с прищуром. Что-то от Шарикова, но не настолько гротесковое.

Помощник еще тот, подумал Слава, но от него потребуется-то всего ничего, ровно в полночь вручить коробочку, а потом пусть пьет до упаду.

– Приехал! – крикнул Мигренев, глядя на двор.

– Кто?

– Кем ты только что интересовался, Семен Евгеньевич.

Слава забежал в коморку, бесцеремонно оттолкнув консьержа, залез под стол.

– Не хочу, чтобы шеф меня сейчас видел.

– Понятное дело. Только Гибельсон при всем желании не увидит.

Осторожно выглянув в окно, Слава понял почему. Директора фабрики нес на плече личный шофер Саша. Безжизненное тело напоминало тушу застреленного на охоте кабана.

– Хороший человек, Семен Евгеньевич, – сказал Коля, услужливо распахивая перед шофером двери, – выпивает только по праздникам. Правда, в последнее время повадился и по церковным.

Шофер, хмуро кивнув, потащил шефа к лифту. Гибельсон встрепенулся на плече, не понятно кому погрозил кулаком:

– Я научу тебя валять валенки из собачьей шерсти, сукин сын!

Когда лифт за парочкой закрылся, Коля зашел в коморку с паспортом в руке.

– Из кармана твоего руководителя выпал.

– Нужно догнать, вернуть, – поднялся посыльный.

– Успеется, – поднял руку Коля. – Никогда не опережай событий, иначе они опередят тебя и переедут как трамвай. А что это тут?

Нацепив на нос узенькие очки, Мигренев присел на табуретку, стал разглядывать что-то типа квитанции, обнаруженной в паспорте. Лицо его вдруг вытянулось, сделалось серым. Он сдвинул лоб двумя руками, будто пытался выдавить из него какую-то умную мысль, наконец, произнес:

– Беда, Слава. Нужно спасти Гибельсона. Руки на себя решил наложить. Знаешь что это? квитанция на гроб, на его собственное имя. Заранее о теле своем позаботился. И это в Новый год! Видать допекло человека.

Слава взял сложенную вчетверо бумагу, тупо в нее уставился. Квитанция-договор, похоронное бюро «В добрый путь!» гроб элитный «Victoria», производство Италия, красное дерево, африканский орех, с крестом на крышке.

Что все это значит? Не похож был час назад шеф на человека, который решил наложить на себя руки. И подарки для чего девицам решил дарить? Прощальные послания перед смертью или... что-то тайное, незаконное?

Когда Слава поделился с консьержем своими мыслями, тот гордо выпрямился, заскрипел зубами:

– Спокойно, я до недавнего времени опером в ОВД работал, меня друзья называли Мегре. Правда, некоторые Мигренью. Но это не столь важно. За дело берусь я! А ну-ка давай сюда коробички.

Немного поколебавшись, Слава выложил на стол две коробочки разного цвета. Протянул Коле свой швейцарский нож. Тот, одобрительно крикнув, принялся подцеплять хорошо про-

клеенную обертку. Из лифта вышел Саша. Мигрень накрыл коробки газетой, засунул голову Сверлицина под стол, спросил:

– Ну как шеф, еще живой?

– Плох, еле дышит, – печально признался водитель. – Думаю, до Нового года не оклема-ется.

– Возможно, – охотно согласился Коля, а когда шофер сел в машину, продолжил потрошить подарки. Вскрыл он их профессионально, ничего скажешь. Незаметно запечатать не составит труда, отметил Слава. Он сгорал от нетерпения и любопытства. Такие же чувства переполняли и отставного оперативника. Но каково же было удивление обоих, когда в коробках они не обнаружили ничего интересного. В каждой лежали по две тысячи рублей и по одному зеленому номерку. Кажется, гардеробному.

Коля взял совершенно одинаковые номерки, понюхал, попробовал на зуб.

– Дело, кажется, гораздо серьезнее, чем я думал, – вздохнул он. – Гибельсон, вероятно, медленного яду принял.

– Бежим в полицию?

– У тебя что, в одном месте сверлит? – вскинулся консьерж. – Сверло! Мегре еще не такие дела распутывал! Номерки. Так. Знаешь что это? Не отвечай, не знаешь, ни Большим, ни Малым театрами здесь не пахнет. Это номерки от камеры хранения. Видишь буквы – АДМ? Аэропорт Домодедово. Туда сдано что-то очень важное. Ты прав, Гибельсон, видимо, вляпался в криминальную историю, Следственный комитет идет у него по пятам, вот он и решил прекратить свои мучения. Гроб заказал, бедняга. А Кира и Лира... Их роль в этом темном деле нам и предстоит выяснить.

– А если в камере хранения деньги?

– Не исключено, – сразу же согласился Мигрень, потер руки. Нужно проверить багаж и доставить гроб Гибельсону на дом. Мертвый что ли он будет за ним бегать? Следи за логикой, не пожалеешь.

Голова у Славы пошла кругом, конечно, еще ничего не понятно по поводу шефа, а он точно попал в нехорошую историю. Без спросу налил себе водки, выпил. Консьерж проделал то же самое.

– Давай рассуждать объективно, – продолжал Мигренев. – Гибельсону все равно крышка. А деньги, если это все же деньги, достанутся двум вертихвосткам. По какому праву? Если они не причастны к делу, то просто о-очень хорошо оказывали ему интимные услуги. Девицам известно о коробочках, которые ты должен принести?

– Не знаю, – пожал плечами Слава.

– Ну да, Семен Евгеньевич решил их огорошить. А если там бухгалтерская отчетность, значит, сестрицы в теме и их тоже нужно выводить на чистую воду.

– Но нам багаж не выдадут, в компьютер наверняка внесены их фамилии, – возразил Слава бывшему следователю.

– В камерах хранения аэропорта фамилий не требуют, только номерки. Совок как был, так и остался.

– Мы что же заберем деньги себе? – то ли с испугом, то ли с восхищением спросил Сверлицин.

– Сейчас, разбежался! Я мент, а не дешевый фармазон. Раскрою это дело, может, обратно на службу возьмут. Меня же за что попросили. Одного генерала с Петровки в сауне с малолеткой накрыл. Как водится, потребовал у него немного денег – вы нам, а мы рот на замок. Оказалось, что той Лолите чуть ли не тридцать восемь лет! Карлица, мать ее. Генерал-то извращенец отъявленный. Ну, шум, гам, меня и выгнали из органов. А того генерала через месяц за связь с Болотной площадью на пенсию отправили. Брал с оппозиционеров взятки, подлец, за гарантии физической безопасности во время митингов. Сделаем так.

Первым делом Коля набрал номер похоронного бюро, представился Гибельсоном, потребовал, чтобы оплаченный гроб ему привезли на квартиру. И чем быстрее, тем лучше.

– В заявке же указан морг Боткинской больницы с доставкой на 2-е число, – ответили в трубке.

– Покойник еще жив, но долго не протянет. Да и вам какая разница куда вести?

– Минуточку.

В трубке щелкнуло, потом раздался мужской голос:

– Что за спешка, Семен Евгеньевич?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.